

Ю. К. БЕГУНОВ

Следы «Слова о погибели Руския земли» в Степенной книге

Литературные источники Степенной книги выявлены еще далеко не полностью.¹ Однако попытки обнаружить в Степенной книге следы древнерусских произведений XII—XIII вв. были безуспешными.

Благодаря исследованиям А. В. Соловьева² и Д. Н. Альшица³ можно полагать, что составители Степенной книги были знакомы со «Словом о полку Игореве» (см. 6-ю степень — «о Всеволоде Георгиевиче» и 7-ю степень — «о Ярославe Всеволодовиче»). По-видимому, авторы Степенной книги знали Повесть временных лет⁴ и повести о татарском нашествии,⁵ «Чтение» о Борисе и Глебе, составленное Нестором,⁶ «Повесть об убиении Михаила Черниговского».⁷ И. Н. Жданов,⁸ Н. И. Серебрянский⁹ и А. И. Соболевский¹⁰ в качестве параллелей к «Слову о погибели» приводили известное перечисление народов, повторенное в Степенной книге дважды, — в «Родословии русских государей» и в 1-й главе 7-й степени «о Ярославе Всеволодовиче».

¹ О составе и литературных источниках Степенной книги см.: Д. В. Поленов. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850; Н. С. Державин. Степенная книга как литературный памятник. Батум, 1902; П. Г. Васенко. 1) «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. I. СПб., 1904; 2) Составные части «Книги Степенной царского родословия». — ЛЗАК, в. XIX (за 1906 г.). СПб., 1908, стр. 1—51; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1308—1338 (здесь же и литература вопроса); А. С. Орлов. Литература времени образования многонационального русского государства. Гл. I, § 2. Степенная книга. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 437—439; В. В. Кусков. Степенная книга» как литературный памятник XVI века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1952; А. А. Зимин. К изучению источников Степенной книги. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 225—230.

² A. V. Soloviev. New traces of the Igor Tale in old Russian literature. — Harvard slavic studies, v. I. Cambridge, Mass., 1953, стр. 73—81.

³ Д. Н. Альшиц. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI века на «Слово о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 64—70.

⁴ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 40—41, 49 (жития Ольги и Владимира); Д. Н. Альшиц. Легенда о Всеволоде..., стр. 64—70.

⁵ В 7-й степени, посвященной Ярославу, Юрию и Константину Всеволодовичам, чувствуется знакомство составителей с летописными и иными известиями о татарском нашествии. Однако эта гипотеза может подтвердиться лишь в результате специального исследования.

⁶ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 100.

⁷ Там же, стр. 131.

⁸ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 95—97.

⁹ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 163—166.

¹⁰ А. И. Соболевский. Рецензия на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета (Псковская старина, т. I. Псков, 1910). — ЖМНП, 1910, ноябрь, стр. 205—208.

Степенная книга,
«Родословие»

Степенная книга,
глава «О Ярославле»

«Слово о погибели
Руския земли»

От Рюрика начася державство в Новеграде. От Игоря же сына его в Киеве и до Всеволода Юрьевича державствоваху; от них же вси страны трепетаху, ближнии и дальнии; и сами гречестии царие вси повиновахуся им; и дань даяху от моря до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и атвяги, и литва, и немцы, и чюдь, и корела, и устюг, и обои болгары, буртасы и черкасы, мордва и черемиса; и самии половцы дань даяху и мосты мостяху; литва же тогда бояхуся и из лесов вынищати; татарове же тогда ни слухом именованыхуся. От Всеволода же Юрьевича и до Данила Александровича в Володимери державствоваху. От Данила же на Москве богом утвержено бысть царствие русских государей. О них же в книзе сей отчасти сказание имат.¹¹

Сий же великий князь Ярослав Всеволодич в то же время и лето пакн бысть в той же великой Орде, в пагубной земли татарстей, и вся безаконных неправедная на благочестие умышления разуме, и сердцем разгарашеся, и ревности божественныя исполняшеся, не терпя зрети людей земли своея погибающих душою и телом, за них же умысли драгаго своего живота не пощадети, истиннаго ради благочестия, паче же воспоминаия начальнейшее отъческое благородие и богом дарованное им скипетродержание, и како вси страны трепетаху имен их не токмо ближнии, но и дальние земли, царства и самии гречестие царие и како повсюду бысть в Рустей земли православная вера христианская, идеже бысть всякия божественныя благодати исполнение и всего земнаго доброплодия изобилование, в них же не бяше тогда поганина; уду же присягаху и повиновахуся многия страны и дань даяху от моря и до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и ятвяги, и литва, и немцы, и чюдь, и корела, и устюг и обои болгары, и буртасы, и черкасы, и мордва, и черемиса; и самии половцы дань даяху и мосты мостяху, литва же тогда и из лесов бояхуся вынищати, татари же тогда ни слухом не именованыхуся.¹²

Отселе до угор и до ляхов, до чачов, от чачов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немец, от немец до корелы, от корелы до устьяга, где тамо бяху тоимици поганин, и за дышючим морем; от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до чермис, от чермис до мордва — то все покороно было богом христианьскому языку поганьския страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю киевскому, деду его Володимеру и Ман[ма]ху.¹³

И. Н. Жданов и Н. И. Серебрянский, отмечая сходство этих отрывков с описанием границ Русской земли в «Слове о погибели», считали, что эти параллели еще не позволяют установить прямое заимствование автором

¹¹ ПСРА, т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, стр. 3—4.

¹² ПСРА, т. XXI, ч. 1, стр. 254. И. Н. Жданов замечал, что такая же цитация из «Слова о погибели» встречается в житии Александра Невского (см.: И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 95, примечания). В редакции жития Александра Невского, составленной в 1591 г. Ионой Думиним, было использовано житие Александра из Степенной книги. Большая часть главы Степенной книги «О Ярославе Всеволодиче», в том числе и приведенная выше цитата, оказалась включенной в эту редакцию жития (см.: В. И. Манский. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. — ПДП, CLXXX. СПб., 1913, стр. 182; Приложение, стр. 84—87; Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 157).

¹³ Слово о погибели Руския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII в. Сообщение Х. Лопарева. — ПДП, LXXXIV. СПб., 1892, стр. 19—22.

Степенной книги из «Слова». По их мнению, источником перечисления народов мог быть древний княжеский «Родословец». «Следов непосредственного знакомства со „Словом“ ни в Степенной книге, ни вообще в старинных памятниках светского характера мы, таким образом, не находим», — заключал Н. И. Серебрянский.¹⁴ А. И. Соболевский¹⁵ допускал существование общего источника перечисления народов Степенной книги и «Слова о погибели», который восходит к первой половине XIII в. Жданову, Серебрянскому и Соболевскому возражал М. Горлин.¹⁶ Он считал, что Степенная книга заимствовала это перечисление из «Слова о погибели», так как в Степенной книге идет речь о народах, которые не были в то время подчинены Руси. А такое преувеличение было в духе XVI, а не XIII в. А. В. Соловьев¹⁷ предполагает знакомство редакторов Степенной книги и Каменевича-Рвовского, автора «Сказания о начале московского рода», со «Словом о погибели Русской земли» через посредство «Родословца». Н. К. Гудзий в своем подробном обзоре литературы о «Слове»¹⁸ замечает, что точка зрения А. В. Соловьева серьезно оспаривается, но не говорит кем. Он соглашается с А. И. Соболевским в том, что перечисление народов следует возводить к более древнему источнику, общему для «Слова о погибели» и для Степенной книги. При этом текст Степенной книги оказывается более близким к древнейшему источнику. Исследование «Родословца русских государей» и 1-й главы 7-й степени «о Ярославе Всеволодиче» Степенной книги позволит выяснить, в каком отношении находится перечисление народов в Степенной книге ко всему остальному тексту. Обнаружение литературного метода составителя обоих произведений может подсказать, каким образом составители Степенной книги использовали древнерусские произведения во взаимосвязи со своей концепцией родословного древа, как они приспособляли к своей риторически торжественной манере различные по стилю и жанру произведения.

* *
*

Остановимся вначале на 1-й главе 7-й степени, которая имеет следующее заглавие: «О благоверном и богохранимом кореноплодном великом князе Ярославе Всеволодичи. И в мале явлено (т. е. в сокращении, — Ю. Б.): плен на чюдь, и брань на Калке, и победа на литву, и на емь, и плен на немцы, и рать Батыева, — Ярослава же и с прочими защити бог, — и брак Александров, и Ярославле хождение дважды во Орду, и преставление его».¹⁹

Самое обстоятельное исследование этой главы сделал М. Горлин. Отбросив из Степенной книги первую половину 1-й главы и фразы, которые почему-либо казались М. Горлину стилистическими украшениями и позднейшими восполнениями в древнейший текст, он выделил очищенный текст «Слова о преставлении Ярослава», к которому присоединил «Слово о погибели». Реконструированный им текст жития он датировал 1246—1247 гг.

¹⁴ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 166.

¹⁵ А. И. Соболевский. Рецензия на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета, стр. 207—208.

¹⁶ M. Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav. — Revue des études slaves, XXI, Paris, 1947, стр. 17—18.

¹⁷ A. V. Soloviev. Le Dit de la ruine de la terre Russe. — Byzantion, t. XXII. Bruxelles, 1952, стр. 116.

¹⁸ Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Русская земля». — ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 539.

¹⁹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 251.

А. В. Соловьев²⁰ критикует концепцию М. Горлина за бездоказательную попытку присоединить «Слово о погибели» к памятнику житийного жанра, но принимает реконструированный М. Горлиным текст за житие XIII в., написанное в духе воинских повестей.²¹ Н. К. Гудзий²² подробно разбирает работу М. Горлина и признает выводы автора необоснованными, а метод реконструкции им текста XIII в. произвольным. Едва ли не самым основным возражением М. Горлину явится, на наш взгляд, анализ состава и источников этой главы. Этот разбор источников заставляет нас вернуться к точке зрения Н. И. Серебрянского, считавшего, что впервые произведение, восхваляющее Ярослава Всеволодовича, появилось из-под пера московского книжника в XVI в.²³

Повествование о Ярославе состоит из небольших рассказов, имеющих подзаголовки: «Плен на чюдь», «На Калке» и т. д. Интересующий нас отрывок из «Слова о погибели» находится в конце повествования, под рубрикой «Самодержец Ярослав». В главе «О Ярославе» мы не находим внутренней связи между летописными и другими отрывками, не ощущаем впечатления целостности произведения. Рассказы искусственно объединены на основе концепции родословного древа с помощью агиориторической манеры изложения. Уже начало главы — «Благородного корени доброплодная и многорасленая и неувядаемая ветвь царского извращения и плодотворное семя русских самодержателей сий великий князь Ярослав...» — дает образчик выпяченного стиля составителей Степенной книги и настраивает читателя на восприятие образа Ярослава как идеального самодержца.²⁴ Вплоть до первого пространного рассказа «Батыева рать» автор пользуется исключительно летописями.²⁵ При этом в рассказ вторгаются известия, не относящиеся к биографическим данным о Ярославе.²⁶

Следующие два рассказа «Батыева рать» и «Ярослава бог защити»²⁷ начинаются с летописной формулы «Тоя же зимы», хотя в предыдущих известиях год не был назван. Приспособление летописного текста под агиориторическую манеру автора Степенной книги здесь особенно чувствуется. Занятый своей излюбленной концепцией родословного древа, составитель Степенной книги привлекает «Повесть об убении князя Михаила Черниговского» из Воскресенской летописи²⁸ и житие Михаила Черниговского из 7-й грани Степенной книги.²⁹ Весь текст главы «О Ярославе», начиная с рассказа «Ярослава бог защити», который М. Горлин

²⁰ A. V. Soloviev. 1) *Le Dit...*, стр. 115—116; 2) *New traces...*, стр. 74—75 и сл.

²¹ A. V. Soloviev. *New traces...*, стр. 73—75, 79.

²² Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Русских земель», стр. 536—539.

²³ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 173—174.

²⁴ П. Г. Васенко. «Книга Степенная царского родословия»..., стр. 226—227.

²⁵ Например, рассказ о посажении семилетнего Ярослава на южно-перьяславский стол его отцом (под 1201 г. в Лаврентьевской летописи: ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 175; в Густынской летописи: ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 327; в Воскресенской летописи: ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 107) и многие другие. (Подробнее о Ярославе см.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, т. I, СПб., 1889, стр. 7—19). Отсутствуют известия о Липецкой битве (1216 г.), об изгнании Ярослава из Новгорода (1228 г.) и др.

²⁶ Например, рассказ «На Калке» понадобился автору Степенной книги только для того, чтобы сообщить о татарах и о том, что Ярослава на Калке не было (ср.: ПСРЛ, т. I, стр. 18, 218; т. III, стр. 40—41; т. IV, стр. 28; т. V, стр. 173; т. VII, стр. 132).

²⁷ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 252—253. В Никоновской летописи имеется рассказ «Батыева рать», начинающийся со слов «Тоя же зимы» и сходный по содержанию с таким же рассказом Степенной книги (см.: ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 105).

²⁸ ПСРЛ, т. VII, стр. 152—156.

²⁹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 267—277. Это текст жития Михаила Черниговского Паолом Логофета, дополненный летописными известиями (Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 131—132).

принимал за текст жития Ярослава XIII в., является в действительности умелой обработкой «Повести» и жития Михаила Черниговского, текстов летописей и некоторых других источников, использование которых автор перемежает цитатами из священного писания. Приведем характерные примеры. В рассказе «Батыева рать», используя текст священного писания, составитель сравнивает Батыя с вепрем, пожирающим все живое, как траву,³⁰ но не сумевшим уничтожить «плод благоверия», т. е. Ярослава. Он спорит с автором «Повести», доказывая при помощи тех же текстов из священного писания, что бог не только карает, но и милует, особенно если это касается богоизбранных идеальных князей, «корени благочестия», «державных наследников».³¹ Обращаясь к текстам летописи,³² составитель Степенной книги дает высокую оценку деятельности Ярослава 1238—1243 гг. по залечиванию ран от татаро-монгольского нашествия во Владимиро-Суздальской земле. Идеальный князь приобретает черты почти святого заступника Русской земли.

Составитель рассказа «О Ярославе» широко использует житие Михаила Черниговского для описания подвига Ярослава, дважды побывавшего в Орде.³³ Он переносит черты Михаила Черниговского на Ярослава, нового кандидата в святые. Ярослав, так же как и Михаил, не мог терпеть

³⁰ Псалмы, LXXIX, 14. На использование библейских цитат для создания концепции идеального князя впервые обратил внимание М. Горлин (см.: M. Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe..., стр. 20).

³¹ Сравните:

«Повесть о Михаиле Черниговском»
из Воскресенской летописи

Глава «О Ярославе» из Степенной
книги

Быть находение безбожных татар на землю русскую гневом божим за умножение грехов наших, яко же при Нои, яко и при Лоте казнь божия на землю находаше, такоже и в последняя времена сия наведе бог рукою своею на землю христианскую, по порочеству дивных пророк.

Ярослава бог защити, яко корень благочестия невржеи бысть и дел сохранен бысть сий истинный поборник православлюю, богохранимый великий князь Ярослав. Бе бо милостив всякому просящему у него; его же кто требоваше, невозбранно подавая; его же ради спасен бысть и прочий с ним от губительных рук. Никто же бо возможет на милостивия, яко же рече господь: «Блаженни милостивии, яко ти помиловани будут» (Матфей, V, 7). «Весть бо господь, — по апостолу (Апостол, Петр, II, 9) — благочестивия от напасти избавляти». Яко же избави праведного Ноя наследника миру от вселенского потопа и Лота от Содомского пожжения, тако защити преблагий бог и сего наследника Русскаго, возлюбленнаго своего вернаго правителя, державнаго Ярослава Всеволодича.

Н. И. Серебрянский утверждает, что фраза «яко же при Нои, яко и при Лоте казнь божия на землю находаше, такоже и в последняя времена сия наведе бог рукою своею на землю христианскую» была характерна для древнейших редакций жития Михаила и для общерусской проложной редакции XVI в. (Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 112; Приложение, стр. 52, 63). Автор Степенной книги выпускает эту цитату из жития Михаила Черниговского в 7-й степени, но с выпущенными словами он спорит в той же 7-й степени, в главе «О Ярославе».

³² Характерным для составления главы «О Ярославе» является обращение с летописным текстом из Воскресенской летописи (под 1238 г.: ПСРА, т. VII, стр. 143; такой же текст см.: ПСРА, т. V, стр. 186; т. I, стр. 199; т. II, стр. 338). Цитата из летописи была расчленена надвое, а в середину было вставлено перечисление «стран Русской земли». Источник этой вставки нам неизвестен. А. В. Соловьев видит в этом отрывке цитацию из «Слова о полку Игореве» («славный Днепр» и «славные куряне»). См.: ПСРА, т. XXI, ч. I, стр. 253.

³³ Сравните:

Житие Михаила Черниговского
из Степенной книги

Глава «О Ярославе»

Тогда же злочестивый Батый по лотом пленении пакы покушашеся и души благочестивых пленити и пречистую церковь осквернити и свяую веру православную исказити и свою скверную веру, осяшную главню перидския льсти хотя ввеси в Русь.

И тако безбожнии содеяюще, и, паче того, злейшим коварством тшахуся и веру христианскую в Русьей земли повредити и святая церквя разорити и богомерския прелести перидския волшебное идолослужение надеяхуся безаконнии в Руси предложити.

татарских насилий над народом³⁴ и начал обличать «безумное веление поганых».³⁵ Князь Ярослав назван «доблитель подвижник», подобно тому как в житии Михаил назван «доблитель страдалец». Подвиг и страдания обоих князей описаны совершенно одинаково. Собираясь совершить подвиг, Михаил вспоминает только о боге. Ярослав вспоминает о своих благородных предках и дарованном им от бога скипетродержании и «как все страны трепетаху». Далее, как полагал еще М. Горлин,³⁶ следует вольный пересказ «Слова о гибели Русской земли». Напыщенный и торжественный тон предыдущих фраз, взятых из жития Михаила Черниговского,³⁷ не находится в противоречии с отрывком, в котором вспоминаются былые времена могущества, богатства Русской земли и подвластные народы. Составитель Степенной книги приспособляет к своей манере повествования любые выдержки из житий, летописания, священного писания, родословных книг. Приспособляет к своей манере он и отрывок, перечисляющий подвластные народы. Этот отрывок заключен между рассказом о том, как разгоралось сердце «самодержца» Ярослава при виде насилий татар, и рассказом о том, как Ярослав во второй, и последний раз отправился в Орду и принял мученический венец. Картина политического могущества Руси при прежних князьях, как можно предполагать, по мысли составителя рассказа, должна была оттенить высоту христианского подвига князя Ярослава, славного потомка могучих властителей.

В заключение составитель Степенной книги прибавляет вымышленное им завещание Ярослава «Благословение чадом шести сыновом», составленное при помощи текста Воскресенской летописи.³⁸

Н. И. Серебрянский замечал, что только в редакции жития Михаила Черниговского Степенной книги подчеркивается церковно-историческое значение мученического подвига князя, поэтому только в этой редакции жития говорится о том, что Батый хотел заменить христианскую веру на Руси своей «персидской лостью» (Н. И. Серебрянский и др. Древнерусские княжеские жития, стр. 131).

³⁴ Сравните:

Житие Михаила Черниговского

Сий же слух досяжа и до сего самого великаго князя Михаила. Той бо един во Орду взъити тогда не восхоте, но отшед ис Киева и на своем самовластном отъческом столе во граде Чернигове седе... Сердце же его наипаче по бозе разгарашеся, негодуя о безаконии злочестиваго царя; поболе, яко же лепо, душею и снесашеся печалюю весь и скорбию, душу свою по братьях прободаше и весь слезен бываше... .. конечнее же и свою душу за люди богия положи и умрети за благочестие.

³⁵ О велении Батый очищаться огнем говорится только в житии Михаила Черниговского редакции Степенной книги и в главе «О Ярославе».

³⁶ М. Gorlin. Le Dit de la ruine de la terre Russe... стр. 17. М. Горлин ошибочно считал «Слово о гибели» введением к панегирическому «Слову о преставлении Ярослава Всеволодовича». Нахождение отрывка из «Слова» не на месте, в середине повествования о Ярославе, Горлин объяснял задачами составителя Степенной книги, якобы не желавшего нарушать панегирический тон повествования.

³⁷ См. стр. 120 настоящей работы, прим. 33.

³⁸ Летописи скупы на похвалу князю Ярославу. Лишь в СІА и в Воскресенской летописи (ПСРА, т. VII, стр. 156) содержится похвала ему.

Воскресенская летопись

О таковых бо писание глаголет. «ничто же боле ино таково пред богом, но еже аще кто положит душу свою за други своя». Сий же великий князь положи душу свою за други своя и за землю Русскую, и, причте его господь ко избранному своему стаду; милостив бо быше ко всякому и требующим же невозбранно даше, еже требоваху.

Глава «О Ярославе»

Сий же великий князь Ярослав Всеволодич в то же время и лето паки бысть в той же великой Орде, в пагубной земли татарстей, и вся безаконных неправедная на благочестие умышления разуме и сердцем разгарашеся и ревности божественных исполняшеша, не терпя ярети людей земли своея погибающих душею и телом... .. За них же умысли драгаго своего живота не пощадеши истиннаго ради благочестия.

Глава «О Ярославе»

«Что убо сего больше — яко же святое писание глаголет (Иоанн, XVI, 13) — еже положити душу свою за други своя». И тако сий приснопамятный великий князь Ярослав в дальней земли, в Канове Орде положи душу свою за святых дома церквей, и за веру христианскую и за вся люди земли Руския. И сего ради причте его сог ко избранному своему стаду праведных селения.

В конце главы составитель Степенной книги добавляет: «Три же сыны его прежде его к богу отидоша: Феодор, Афанасий, Василий». Это позволяет предположить, что

Таким образом, составитель Степенной книги создает совершенно фальсифицированный образ Ярослава.³⁹ Этот князь, в действительности подчинившийся всем унижительным процедурам в Орде и у великого хана, приобретает черты святого мученика и приравнивается к не подчинившемуся татарам и злодейски умерщвленному ими Михаилу Черниговскому. В уста Ярослава он вкладывает пророчество о богоизбранности и державстве своих потомков и о умножении рода, т. е. росте родословного древа. В «Благословении чадом» названы шесть сыновей Ярослава: «Храбрый и мудрый Александр, и поспешный Андрей, и Константин удалый, и Ярослав и милый Данил, и доброхотный Михаил».

Литературный метод составителя Степенной книги позволил ему, пользуясь летописными известиями, близкими к Воскресенской летописи, летописной «Повестью» и житием Михаила Черниговского создать в середине XVI в. жанр княжеского жизнеописания. Разнородные по стилю и содержанию летописные и другие отрывки скреплялись единством стиля торжественной украшенной риторики и единством концепции родословного древа. Такой литературный метод писателя XVI в. позволял ему использовать древние произведения XII—XIII вв., в том числе и «Слово о погибели Русской земли».

* *

*

Другой такой же отрывок, близкий к «Слову о погибели», содержится в одной из вводных статей к Степенной книге — «Родословию русских государей». П. Г. Васенко полагал, что Степенная книга с вводными статьями наиболее близка к протографу основных списков «Степенной книги».⁴⁰

Из четырех основных списков, по которым издавалась Степенная книга, эта статья содержится только в двух.⁴¹ Отсутствует она также и в первом издании Степенной книги Г. Ф. Миллера.⁴² «Родословие русских государей» содержит перечень имен князей от Юриика до Ивана IV и его сыновей Дмитрия, Ивана, Федора и Василия. Затем в «Родословии» содержатся родословные ростовских,⁴³ твер-

составитель главы «О Ярославе» Степенной книги пользовался летописью, близкой к Воскресенской или к Никоновской, так как только в этих летописях Ярославу приписываются 9 сыновей, а не 8, как было на самом деле. Эти летописи из Афанасия-Ярослава Ярославича Тверского (1238—1272) сделали двух сыновей — Ярослава и Афанасия (см.: ПСРЛ, т. X, стр. 113—134; т. VII, стр. 236; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья... т. I, стр. 18—19). Об использовании Никоновской, Воскресенской и Софийской летописей в Степенной книге говорили Н. С. Державин (Степенная книга как литературный памятник, стр. 22, 126), П. Г. Васенко (Составные части «Книги Степенной царского родословия», стр. 9), В. В. Кусков («Степенная книга» как литературный памятник XVI века, стр. 6—7).

³⁹ Такие же легенды составитель Степенной книги создает о других князьях, например легенду о Всеволоде Георгиевиче (см.: Д. Н. Альшиц. Легенда о Всеволоде... стр. 68).

⁴⁰ П. Г. Васенко. «Книга Степенная царского родословия»... стр. 99—102, стр. 114.

⁴¹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. IV—VI, 1—2.

⁴² Книга Степенная царского родословия, содержащая историю Российскую, изданная Г. Ф. Миллером. М., 1775.

⁴³ Род ростовских князей оканчивается 19-м поколением, детьми князей Ивана Андреевича Брюхатого (умер до 1473 г.), Владимира Андреевича Ростовского (умер между 1461 и 1474 гг.) и Ивана Андреевича Янова-Ростовского (1425—1474). Названы дети первого — Андрей и Александр Хохолки, второго — Дмитрий и Александр (последние великие князья Ростовские), третьего — Василий Губка и Иван Темка. Семен и Дмитрий (см.: Д. А. Корсаков. Мера и ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 243; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья... т. I, стр. 61—62 и Приложение, табл. 1). В 1474 г. Иван III купил у великого князя Ростовского Ивана Ива-

ских,⁴⁴ белозерских,⁴⁵ смоленских,⁴⁶ ярославских,⁴⁷ суздальских,⁴⁸ рязанских,⁴⁹ муромских⁵⁰ князей. Следующий за родословиями отрывок «От Рюрика начаса державство в Новегороде. От Игоря же сына его в Киеве и до Всеволода Юрьевича державствоваху...» совершенно не связан с предшествующим текстом. После имени Всеволода III содержится перечисление подвластных Руси народов, затем составитель рассказа повторяет имена великих князей: «...от Всеволода же Юрьевича и до Данила Александровича в Володимере державствоваху. От Данила же на Москве богом утвержено бысть царствие русских государей. О них де в книзе сей отчасти сказание имат». Весь этот отрывок носит характер вставки в текст «Родословия». Все «Родословие русских государей» представляет собой краткую родословную историю объединения северо-восточных удельных княжеств вокруг Москвы. Так как только род ростовских князей доведен до боярских родов времени Василия III, то можно предположить, что в основе «Родословия русских государей» Степенной книги лежит ростовский княжеский родословец, доведенный до первой четверти XVI в.

Составитель Степенной книги добавил к нему лишь имена Ивана IV и его сыновей и в конце, после родословия муромских князей, отрывок «От Рюрика...», содержащий перечисление народов и не относящийся непосредственно к родословцу ростовских князей. Этот отрывок ярко обнаруживает тенденцию Степенной книги — показать начала самодержавия от Рюрика через Всеволода до Ивана Грозного. Этот отрывок выражает самодержавно-феодалную концепцию составителей Степенной книги, согласно которой единство и могущество Русской земли определялось родо-

новича Долгого половину г. Ростова, еще не отошедшую под власть московских государей (ПСРА, т. VIII, стр. 180). Свой титул сыновья Владимира Андреевича уже носили номинально. Они были московскими боярами и занимали высокие посты при Василии III. Например, Александр Владимирович часто упоминается от 1492 до 1531 г. как воевода, участвовавший в походах на корелу, литву (см. картотеку исторических имен XVI в., составленную в Отделе рукописей ГПБ в 1949 г. Д. Н. Альшицем на основании официальной разрядной книги московских государей XVI в. (ГПБ, Эрмитажное собр., № 390)), Дмитрий Владимирович, Иван Иванович Темка и Василий Иванович Губка упоминаются как воеводы первой четверти XVI в. (там же). В Родословной книге Ивана IV, написанной при жизни царевича Ивана (1554—1581), названы уже дети Александра и Андрея Хохолоковых, Дмитрия и Александра Владимировичей, дети Ивана Темки и Василия Губки, Семена и Дмитрия Яновых (ВОИДР, кн. X, 1851, стр. 230). Все это позволяет предположить, что родословие ростовских князей было доведено до времени Василия III.

⁴⁴ Последним назван князь Михайло Борисович (1453—1486).

⁴⁵ Род кончается на Юрии Васильевиче (умер между 1380 и 1389 гг.). От него удел перешел к одному из сыновей московского князя.

⁴⁶ «И по та места взятие Смоленску от Витофта при князе Федоре Юрьевиче» (начало XV в.).

⁴⁷ Последний князь Александр Федорович (1423—1471), «тот продал Ярославль» (в 1463 г. — ПСРА, т. IV, стр. 148; см.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья..., т. II. СПб., 1891, стр. 95).

⁴⁸ Последние суздальские князья Василий Константинович Кирдяпа и его брат Симеон умерли в 1402—1403 гг. Суздальское княжество было присоединено к Москве (см.: В. С. Иконников. Опыт российской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 944).

⁴⁹ Последний рязанский князь Иван Иванович «побежа с Москвы к Рязани и на Броннице убит от татар» (1521 г.). В действительности Иван Иванович жил в Литве еще в начале 30-х годов XVI в. (Д. И. Иловайский. История рязанского княжества. М., 1850, стр. 233—236; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья..., т. II, стр. 607—608).

⁵⁰ В 1354 г. князь Федор захватил Муром у князя Юрия (ПСРА, т. VII, стр. 244; А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья..., т. II, стр. 618—619). В родословии муромских князей сообщается еще о легендарном князе Константине Глебовиче, о котором нам известно из его проложного жития.

выми отношениями между князьями, а также единодержавием московского царя.

* *
*

Теперь, после того как мы обнаружили, что оба отрывка являются вставками составителей Степенной книги в основной текст, попытаемся сопоставить их друг с другом и со «Словом о погибели» и выявить их взаимоотношения.

В результате сопоставления двух отрывков из «Родословия» (первый текст) и из главы «О Ярославе» (второй текст) есть основание предполагать независимость первого текста от второго. С другой стороны, второй текст, более распространенный, может быть объяснен из первого. Оба списка совпадают в следующих выражениях:

«Родословие»

- 1) От них же вси страны трепетаху, ближнии и дальнии, и сами гречестии царие.
- 2) Вси повиновахуся им и дань даяху от моря до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и ятвяги, и литва, и немцы, и чюдь, и корела, и устюг, и обои болгары, бургасы и черкасы, мордва и черемиса.
- 3) И самии половцы дань даяху и мосты мостяху.
- 4) Литва же тогда бояхуся и из лесов выницати.
- 5) Татарове же тогда ни слухом именованыхуся.

Глава «О Ярославе»

- 1) И тако вси страны трепетаху имен их, не токмо ближнии, но и дальние земли и царства, и самии гречестии царие.
- 2) И повиновахуся многия страны и дань даяху от моря до моря: угрове, и чахи, и ляхи, и ятвяги, и литва, и немцы, и чюдь, и корела, и устюг, и обои болгары, бургасы и черкасы, и мордва, и черемиса.
- 3) И самии половцы дань даяху и мосты мостяху.
- 4) Литва же тогда бояхуся и из лесов выницати.
- 5) Татари же тогда ни слухом не именованыхуся.

Кроме того, во второй текст еще прибавлено несколько фраз, которые не встречаются в первом тексте. После слов «сами гречестии царие» и перед словами «вси повиновахуся им» добавлено: 1) «и тако повсюду бысть в Русей земли православная вера христианская», 2) «идеже бысть всякия божественныя благодати исполнение и всего земнаго доброплодия изобилование», 3) «в них же не бяше тогда погани на Июду же присягаху».⁵¹

Почти полное текстуальное совпадение большинства фраз первого и второго текста позволяет сделать предположение, что в главе «О Ярославе» был использован текст отрывка «Родословия», а в одну из разорванных фраз было вставлено несколько фраз из другого источника. Наше предположение, что текст «Родословия» был первоначальным и не содержал фраз о православной вере, земном доброплодии и присяге поганых, подтверждается отрывком из сочинения Каменевича-Рвовского «Сказание о начале московского рода» (1665 г.), в котором в риторической, укра-

⁵¹ В списке Степенной книги (ЦГАДА, ф. 181, № 27, список Степенной книги XVII в.), изданном Г. Ф. Миллером, содержится тот же текст, что и в главе «О Ярославе Всеволодиче» (стр. 322—23), дающий незначительные орфографические разночтения (например, в двух случаях «и тако» вместо «и како») и более правильное чтение одного места. Сравните в Степенной, изданной П. Г. Васенко: «в них же не бяше тогда поганина, уду же присягаху и повиновахуся многия страны...» В житии Александра Невского в редакции Ионы Думина эта фраза написана так: «в них же не бяше поганина, юдуже прикасахуся и повиновахуся многия страны...» (см.: В. И. Мансикка. Житие Александра Невского. . ., Приложение, стр. 85). В Степенной книге, изданной Г. Ф. Миллером: «в них же не бяше тогда погани на Июду же присягаху. И повиновахуся многия страны...»

шенной манере сообщается только о политическом господстве Руси над 16 народами.⁵²

Возможно, что источником, из которого автор главы «О Ярославе» заимствовал фразы о православной вере, исполнении благодатью, изобилием земным доброплодием, могло быть «Слово о погибели Русской земли».⁵³ В нем после описания украсно украшенной многими красотами Русской земли встречается обобщающая фраза: «всего еси исполнена земля Русская, о правоверная вера християнская». Откуда взята фраза о том, что поганые не присягали «на Июду», остается неизвестным, так как в сохранившихся двух списках «Слова» подобных выражений нет.⁵⁴

Таким образом, описание богатства Русской земли из «Слова о погибели» сокращено до минимума в главе «О Ярославе» и вовсе отсутствует в «Родословии». Описание политического величия Руси в извлечениях из Степенной книги может быть сопоставлено со «Словом о погибели Русской земли».

В отрывке из Степенной книги, так же как и в «Слове о погибели», политическое могущество Руси описывается в связи с именем Всеволода Юрьевича. Если в отрывке из Степенной Рюрик и Игорь названы предшественниками Всеволода, то в «Слове о погибели» — это Владимир Мономах и Юрий Владимирович. Различие это объясняется тем, что для составителя «Родословия русских государей» было более уместно обратиться к авторитету первых князей, чем князей Мономашичей. «От них же вси страны трепетаху, ближнии и дальнии, и сами гречестии царие» — текстуральных соответствий этой фразе в «Слове о погибели» нет никаких. Упоминание народов и стран, повиновавшихся Руси, и опасение Мануила Царьградского перед Владимиром Мономахом в «Слове о погибели» еще не дают оснований видеть в «Слове» источник.

В повествованиях XII—XIII вв. не раз говорилось «о трепетании всех стран», с присоединением иногда и греческих царей, перед русскими князьями, — то Владимиром Мономахом, то Всеволодом Большое Гнездо.⁵⁵ В Лаврентьевской летописи под 1125 г. летописец замечает по поводу смерти Владимира Мономаха: «его имене трепетаху вся страны».⁵⁶ Под

⁵² «Сии же сугь предречени и покорнии нам роди наши 16 колен, единого с нами племени бывшии, они: 1) угры, 2) чехи, 3) ляхи, 4) ятвяги, 5) литва, 6) немцы, 7) чюдь, 8) корела, 9) устюг, 10) и 11) болгары двои, 12) бургасы, 13) черкасы запорожские, 14) мордва, 15) черемиса, 16) половцы. За страх же наш предбывший, предгрозный и предвеликий, тогда сущный, литва вся убо тогда бояхуся и из лесов своих вон выницати, татарове же тогда не сказовахуся и ниже слух их к нам доношасеся и ни именовашася. Таков бо страх тогда мы над всеми роды сими и над иными предмногими, и силу и славу неисповедимую предвеликую и предгрозную храбрость нашу таковую над всеми предсодержахом, аминь» (цит. по: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 64).

⁵³ Впервые на это обратил внимание Н. И. Серебрянский (Древнерусские княжеские жития, стр. 165—166).

⁵⁴ Можно предполагать, что эта фраза была в одном из древнейших источников, а не была сочинена составителем Степенной книги. В произведениях XIII в. (в «Повести о Николе Заравском», в 5-м поучении Серапиона Владимирского) содержатся противопоставления справедливых поступков поганых поведению христиан. Серапион Владимирский так говорил: «Погании бо закона божия не ведают, не убивают единовѣрных своих, не ограбляют, ни обадят, ни поклепят, ни украдут, ни запрягуться чужаго; всяк поганый брата своего не продаст, но кого в них постигнет беда, то испуяет его и на промысел дадут ему, а найденая в торгу проявляют» (Е. В. Петухов. Серапион Владимирский, проповедник XIII века. СПб., 1888, Приложение, стр. 14). Фраза о неприянии поганых «на Июду» была взята из памятника, где, вероятно, противопоставлялись добрые старые времена, когда поганые подчинялись Руси и не нарушали присяги, временам нынешним.

⁵⁵ В. С. Иконников. Опыт российской историографии, т. II, кн. 1, стр. 956.

⁵⁶ ПСРА, т. I, стр. 129.

1212 г. в той же летописи говорится в похвале Всеволоду: «сего имени токмо трепетаху вся страны».⁵⁷ Описание могущества первых князей, перечисление различных стран и народов заменено коротким упоминанием стран «ближних и дальних». В соответствии с манерой того времени в начале рассказывалось о ближних пограничных народах, а затем летописец перечислял отдаленные народы. Например, в Повести временных лет: «А се суть иные языци, иже дань дают Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, емь, литва, зимгола, корсь, морава, либи; сии суть язык свой имущи от колена Афетова, иже суть на странах полуношных».⁵⁸ Летописец называет народы как бы по спирали, сначала перечисляет с северо-запада на юго-восток по часовой стрелке, а затем в обратном направлении, делая поворот от мордвы.

Упоминание «и сами гречестии царие» — анахронизм и, по-видимому, либо связано с легендой о Мономаховых регалиях, либо с анахронизмом из «Слова о погибели» («опас жюра Мануила» перед Владимиром Мономахом): Для окончательного решения у нас еще нет данных.

В «Слове о погибели Русской земли» вначале перечисляются пограничные народы Русской земли, затем автор называет, какие народы были покорены Всеволоду, Юрию и Владимиру Мономаху, платили им дань, какие народы только опасались их силы. В отрывке из Степенной книги сообщается, что «все повиновахуся им и дань даяху от моря до моря», а затем перечисляются народы, значительная часть которых известна по «Слову о погибели» как пограничные. Это может говорить о вторичности отрывка Степенной книги.

Сравним перечисление народов в «Слове о погибели» и в Степенной книге.⁵⁹ А. И. Соболевский⁶⁰ обратил внимание на то, что имена народов в «Слове о погибели» названы в родительном падеже, а в Степенной книге — в именительном.

Большая полнота и именительный падеж в перечислении народов он посчитал признаками древнейшими и полагал, что отрывок из Степенной книги ближе следует древнему тексту, послужившему источником для Степенной книги и для «Слова о погибели».

Однако различие в употреблении падежей определяется здесь не древностью текста, а задачами, которые ставились авторами.

В «Слове о погибели» описываются границы Русской земли. «Отселе» требует после себя родительного падежа. В Степенной книге, называвшей покоренные Руси народы, после слов «вси повиновахуся им» больше подходит именительный падеж.

В Степенной книге, как это впервые заметил М. Горлин,⁶¹ речь идет не о пограничных народах, а о подвластных Руси народах. В «Сказании» Каменевича-Рвовского они названы уже «16 колен русского племени». По справедливому замечанию М. Горлина, такое преувеличение было харак-

⁵⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 184. В дальнейшем это выражение стало традиционным в характеристике сильного князя. В Титулярнике 1672 г. об Иване Грозном мы читаем: «все окресные государства имени его государского трепетали, зане знаменит и храбр и в победе страшен...» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 440, Титулярник 1672 г., л. 10—10 об.). На это известие обратила наше внимание М. Д. Каган. В житии Александра Невского в Степенной книге мы читаем: «и бысть всем супротивным страшен и грозен и повсюду имени его трепетаху» (ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 280).

⁵⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 5.

⁵⁹ Тексты см. на стр. 117.

⁶⁰ А. И. Соболевский. Рецензия на кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета, стр. 205—206.

⁶¹ М. Gorlin, *Le Dit de la ruine de la terre Russe...*, стр. 18—19.

терно для писателя XVI—XVII вв., а не XIII—XIV вв.⁶² Конечно, автор «Слова о погибели» умел преувеличить, но он никогда не пошел бы на грубую фальсификацию, назвав угров, чахов, ляхов, литву и немцев народами, подвластными Руси. По сравнению со «Словом о погибели» народы в Степенной книге названы в более правильном географическом порядке: «угрове, и чахи, и ляхи» вместо «угры, ляхи, чяхи»;⁶³ названы «мордва и черемиса» вместо «черемиса и мордва»; добавлены имена «чудь», «черкасы»; и «обои болгары», вместо «болгары».

Перемена местами черемис и мордвы в отрывке Степенной книги не оправдывается с точки зрения метода летописца. Древняя мордва жила на правом берегу Волги, между Окой и Сурой, черемисы жили на левом берегу Волги, северо-восточнее мордвы, буртасы — восточнее и юго-восточнее мордвы и черемис, на правом берегу Волги, между Сурой и Волгой. В перечислении народов автор «Слова о погибели» следует от «болгар до буртас» и «от буртас до чермис», т. е. с востока на запад от «дальних народов к ближним». Он должен сначала назвать черемис, а потом мордву. Перестановка имен этих народов в Степенной книге может быть объяснена тем, что, прочитав начало имени «чермис», составитель вспомнил о черкасах и занес в текст Степенной книги на месте черемис.

Вставка черкас в текст не оправдана в географическом отношении, так как между буртасами и мордвой черкасы никогда не жили. Если составитель Степенной книги неожиданно переносился мыслью на юг к кабардинским черкасам или на юго-запад к запорожским казакам, называемым также черкасами, то это было в его манере, но не в манере летописца и автора «Слова о погибели».

Какой народ имел в виду составитель Степенной книги под именем «черкасы»? Каменевич-Рвовский в своем «Сказании» пишет прямо: «черкасы Запорожские». Известно, что черкасами называли казаков.⁶⁴ Запорожское казачество возникает в середине XVI в. М. С. Грушевский, склонный отодвигать время украинской вольницы в глубь веков, однако, не находит данных говорить о казаках ранее конца XV в.⁶⁵ В топонимике

⁶² В «Истории о великом князе Александре Ярославиче Невском», написанной Екатериной II в июне—сентябре 1791 г., имеется перечень подвластных Руси, а потом татарам народов: «В 1258 году приехали численницы из татар во Владимир, а как сие было в противность обещаний ханских, данных Александру, то князь великий велел всех татарских счетчиков и численницы, из орды присланных, изо всех градов русских выслать, а посла от себя мужи для зборов по древнему порядку, а не по татарскому обычаю. Примечание 1: В сие время дань давали татарам: угры, чяхи, ляхи, ятвяги, литва, немцы по морю живущие, чюдь, корель, устюг, оба болгары, буртасы, черкесы, мордва, черемисы и половцы» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 379, История о великом князе Александре Ярославиче Невском, 1791 г., л. 60 об. нумерованный). Екатерина II явно преувеличивает силы татар для того, чтобы показать, что тяжелая дань Руси татарам не была унижительной.

⁶³ В летописях часто встречается книжное выражение: «угры, ляхи, чехи» (см.: Ипатьевская летопись, ПСРА, т. II, стр. 9: «прииде Ярослав Святополчич с угры, и ляхи, и чехы». В похвале Владимиру Мономаху под 1111 г. говорится о слове «ко всем странам дальним, рекуще к греком и угром, и ляхом, и чехом, дондеже и до Рима пройде»; Ипатьевская летопись, стр. 3).

⁶⁴ «Пришли з Днепра черкасы (каневские черкасы)»: (ПСРА, т. XIII, ч. 2, стр. 322—323, 341). В 1610 г. черкасы с литовцами в рати пана Лисовского идут против немцев (ПСРА, т. IV, стр. 328), в 1612—1614 гг. черкасы под начальством Якова Пунтусова совершают поход на северную Россию (Вологда, Архангельск, Олонец) и т. д.

⁶⁵ М. С. Грушевский. Очерк истории украинского народа. СПб., 1904, стр. 196. В одной из последних работ по истории казачества мы читаем следующее: «Нз случайно именно район Канева и Черкас представлялся современникам основным местом сосредоточения украинского казачества, а в России с XVI века самое название „черкасец“, „черкашени“, „черкасцы“, „черкассы“ стало нарицательным для всего украинского каза-

Украины производные наименования от слова «черкас» встречаются нередко, но как давно возникло это этническое название и существовал ли на Украине «черкасский народ» до конца XV—XVI в., остается для нас загадкой. Лишь однажды в Воскресенской летописи черкасы отождествляются с черными клобуками.⁶⁶ М. С. Грушевский указывал, что видеть в разноплеменном тюркском объединении черных клобуков предков позднейших казаков (черкасов) — это взгляд ошибочный.⁶⁷

Кабардинские, пятигорские, терские черкасы подпадают под власть Руси только в середине XVI в.⁶⁸

В древнейшие времена этническим именем адыгейского племени было имя «касоги» («косаги», «косагии»).⁶⁹ О черкасах говорится в связи с поражением Мамая в 1380 г., когда они были в татарском войске.⁷⁰ Составитель Степенной книги, как можно предполагать, мог под черкасами иметь в виду кавказских черкас, так как запорожское объединение только около 1570 г. вступило в сношения с Русью, а кавказские князья пришли служить к Ивану IV уже в 1552—1555 гг. Автор Степенной от буртас, живших по Волге, мог мысленно скользнуть скорее на юг, к Северному Кавказу, чем к Днепру.

Таким образом, чтение «черкасы» в перечислении народов вряд ли является древнейшим, по-видимому, это все-таки вставка XVI в. Составитель Степенной книги, очевидно, вспоминает о черкасах в связи с приходом феодальной верхушки Черкассии, княжны Марии Темрюковны и ее родственников, к власти на Руси.

Упоминание в Степенной книге «обоих болгар» вместо «болгар» «Слова о погибели» А. И. Соболевский объяснял большей древностью текста Степенной книги. Он замечал, что Ипатьевская летопись знала «серебряных» болгар и темтюгов⁷¹ и что после монгольского завоевания волжские болгары исчезли с исторической арены. Однако при этом А. И. Соболевский не уточнил, что волжские и камские болгары исчезают с исторической сцены лишь в начале XV в.⁷² Степенная книга знает волжских и камских болгар, составителю Степенной книги они были, по-видимому, известны под этими именами, а не под именами «серебряных» и темтюгов. Сторонники взгляда, что текст Степенной книги дает более древнее перечисление народов, чем «Слово о погибели», не воспользовались одним сильным аргументом в их пользу — упоминанием «чюди». Пропуск имени этого народа в «Слове о погибели» более чем странен. Если автор написал «Слово» как предисловие к житию Александра Невского или к повествованию о Ярославе, то остается непонятным, почему он пропустил чудь,

чества (позже «черкасами» называли в России всех вообще украинцев)» (В. А. Глобуцкий. Запорожское казачество. Киев, 1957, стр. 51).

⁶⁶ Под 1052 г.: «Изяслав же то слышав, скопе свою дружину поиде, пойма с собою Вячеславъ полк весь, и все черные клобуки, еже зовутся черкасы, и кияне лучшие и всю русскую дружину и поиде [в Польшу]» (ПСРЛ, т. VII, стр. 56).

⁶⁷ М. С. Грушевский. Очерк истории украинского народа, стр. 20.

⁶⁸ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 655, 663, 671—672 (под 1555—1559 гг.); Е. Н. Кушева. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. — ИЭ, т. 34. М., 1950; Т. Х. Кумыков. К вопросу присоединения Кабарды к России. — Сборник статей по истории Кабарды, в. 5. Нальчик, 1956, стр. 87; История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957, стр. 37.

⁶⁹ См., например: ПСРЛ, т. I, стр. 27, 63, 71, 189, 216; Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.

⁷⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 396.

⁷¹ ПСРЛ, т. II, стр. 126, под 1182 г. Темтюги пошли на помощь Великому городу, осажденному Всеволодом Георгиевичем.

⁷² После 1236 г. в летописях болгары не упоминаются до 1359 г. После походов Тимура, ордынских ханов и русских воевод в 1431 г. разоренная Болгария подпадает под власть Казанского ханства.

с которой эти князья вели непрерывную войну. В Степенной книге «чюдь» названа рядом с народами, перечисленными в «Слове о погибели», в числе которых «ятвяги», например, точно указывают на XIII в.⁷³

Упоминание чуди в Степенной книге еще не может свидетельствовать о большей древности этого текста, так как чудь была хорошо известна и в XVI в., но, с другой стороны, отсутствие имени «чудь» в «Слове о погибели» не может свидетельствовать об исправности и отсутствии пропусков в перечислении народов в обоих дошедших до нас списках «Слова».

За перечислением народов в Степенной книге следует три интересные фразы: «И самии половцы дань даяху и мосты мостяху. Литва же тогда бояхуса и из лесов выницати. Татарове же тогда ни слухом именовохуса». Из них только одна фраза о литве прямо заимствована из «Слова». Более правильной здесь является форма имперфекта «выниковаху» (т. е. «высовывались»)⁷⁴ «Выницати» — форма неопределенного наклонения глагола, и ее в словаре И. И. Срезневского нет, есть глагол «вынизати» (т. е. «вынимать из ножен»).

В начале XIII в. литовцы еще жили в лесах и лишь в 40-е годы XIII в., при Миндовге, вышли из лесов и обратились к завоеваниям смоленских, новгородских и полоцких земель.

Две другие фразы о половцах и татарах в «Слове» отсутствуют. Как о неизвестном народе о татарах говорится в летописях.⁷⁵ Происхождение книжного выражения о том, что половцы «дань даяху и мосты мостяху», неясно, в летописях не содержится известий о том, когда и при каких обстоятельствах пленные половцы использовались для наведения дорог во время военных походов.⁷⁶

Итак, в перечислении народов отрывок из Степенной книги гораздо ближе к «Слову о погибели», чем к «Слову о полку Игореве». Из 15 народов, упомянутых в «Слове о погибели»,⁷⁷ в отрывке из Степенной 13 (нет «тоимицы» и «вяда») и прибавлены еще «черкасы», «татары» и «чюдь», которых нет в «Слове о погибели». Из 15 народов, упомянутых в «Слове о полку Игореве», общими для отрывка Степенной книги и для «Слова о погибели» являются 7. Все это, на наш взгляд, может явиться аргументом в пользу того, что в Степенной книге мы имеем прямое заимствование из «Слова о погибели Русской земли».

Таким образом, если не о цитации, то о следах «Слова о погибели» в Степенной книге мы говорить можем. Можно думать, что составителю «Родословия русских государей» и главы «О Ярославе Всеволодиче» «Слова о погибели» было известно без жития Александра Невского, так как никаких следов первоначальной летописной редакции жития в этих произведениях мы не находим. Редакция жития Александра Невского в Степенной книге исследована В. Мансикка. В ней содержатся следы первоначальной летописной редакции; однако заимствований из «Слова

⁷³ Ятвяги в последний раз упоминаются под 1282 г., затем они вошли в состав литовского государства (ПСРЛ, т. II, стр. 208; т. VII, стр. 165, 254). В «Родословии» Степенной книги имя «ятвяги» написано как «атвяги», что может говорить о том, что переписчик пользовался поздним списком XV или XVI в., где вначале слова стояло *а*, а не *ч* как было бы правильнее орфографически.

⁷⁴ См.: Срезневский, Материалы, т. I, стлб. 447.

⁷⁵ «Того же лета явишася языци, их же никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их; и зовуть я татары. . .» (ПСРЛ, т. I, стр. 189).

⁷⁶ Ср.: «И рече Володимер: „Требите путь и мстите мост“, хотяшеть бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболеся» (ПСРЛ, т. I, стр. 56).

⁷⁷ См.: А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». Прилож. 2. Народы и племена, перечисляемые в южном и северном «Словах». — Изз, т. 25. М., 1949, стр. 100.

о погибели» здесь нет.⁷⁸ Большая полнота в перечислении народов и заимствование автором Степенной традиционных выражений из летописей и из других источников подтверждаются общим характером метода составителя Степенной книги, компилирующего из многих источников, в одном случае, в «Родословии», в целях создания легенды о могуществе первых русских князей: Рюрика, Игоря и Всеволода III, в другом случае в целях создания легенды о Ярославе Всеволодовиче. При этом составитель, как мы предполагаем, воспользовался перечислением народов из «Слова о погибели», отбросив тему погибели Русской земли и противопоставление старых, киевских времен нынешней погибели земли. Литературные пути от «Слова о погибели» через «Родословец» или через ряд каких-либо других источников к Степенной книге остаются невыясненными и ждут продолжения исследования, которое в условиях отсутствия промежуточных звеньев особенно трудно.

⁷⁸ В. Мансикка. Житие Александра Невского, стр. 143 и сл.